

Флоря А.В.

Профессор кафедры теории и методики обучения русскому языку в начальной школе
Орского гуманитарно-технологического института – филиала ОГУ, доктор филологических наук

ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЕТАЭКСПЕРТИЗЫ

Автор статьи пытается провести независимый вторичный анализ нецензурных реплик Ф. Киркорова, связанных со скандальной ростовской пресс-конференцией. Они первоначально были прокомментированы профессором А. Барановым и предназначались для суда. Текст этой экспертизы – более интересный документ, чем ее (экспертизы) объект. Это пример тенденциозного сочинения с некоторыми характерными признаками: ограниченным изложением проблем, алогизмами, приписыванием субъективных ремарок репликам коммуникаторов.

История с грязным оскорблением Ф. Киркоровым журналистки И. Ароян на пресс-конференции 20 мая 2004 г. в Ростове-на-Дону сама по себе понятна. Здоровой части общества не требуется разъяснять, почему поведение Киркорова аморально и цинично. И дело не только в том, что материться, оскорблять женщину, тем более публично, нельзя. Поскольку Киркоров самочинно взял на себя роль «звезды», он обязан ей соответствовать, как бы его ни провоцировали и ни оскорбляли (чего в данном случае не было).

Фактической поддержкой Киркорова стала лингвистическая экспертиза, выполненная доктором филологических наук, профессором А.Н. Барановым, заведующим отделом экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. В своем роде это весьма интересный документ. Его уровень таков, что его цитирование (разумеется, без мата) на занятиях по стилистике и культуре речи неизменно сопровождается хохотом студентов разных курсов и факультетов.

Баранов не только воспроизводит без сокращений матерные выражения Киркорова, причем одни и те же и многократно, но приводит и собственный пример такого рода: «(...) обмен репликами напоминает ситуацию «вялой перебранки», ср. – Когда же ты, наконец, блин, вынесешь мусор? – Мусор-...юсор» [2]. (Баранов матерных и вульгарных слов нигде не сокращает, но мы это делаем из элементарного приличия. Кстати, весьма распространено и симптоматично такое явление, как желание докторов филологических наук публично материться якобы в иллюстративных целях, когда в этом нет необходимости.)

Баранов начинает с изложения некоторых теоретических вопросов: «С семантической точки зрения, оскорбление содержит два важнейших компонента. Во-первых, адресату оскорбления приписывается какая-то отрица-

тельная характеристика (вне зависимости от того, соответствует это реальности или нет)». Баранов почему-то ставит рядом понятия «приписывать» и «соответствовать реальности», хотя они в принципе не совместимы: приписать можно только то, чего нет (не было), т. е. что не соответствует реальности. «Во-вторых, эта отрицательная характеристика вербализуется (выражается) в неприличной форме. К неприличным относятся obscenity (нецензурные) слова и устойчивые обороты (идиомы), некоторые метафоры фауны (например, *свинья, козёл*), неологизмы, образованные в результате языковой игры и содержащие аллюзию на неприличные или obscenity слова (например, *дерьмократ*), и некоторые другие типы лексем». Сразу же возникает ряд вопросов. Какие именно «другие типы лексем»? Неужели их так много, что невозможно перечислить? Ведь именно для экспертизы это существенно: что прилично, а что нет. Чем неприличные слова отличаются от obscenity? Какие аллюзии содержатся в словах типа *дерьмократия*? (Разве это не расшифровывается безо всяких аллюзий как власть экскрементов?) Ученому, эксперту следует корректно и полно излагать свои методологические принципы, если он взялся это делать.

Вообще сама эта концепция сомнительна (и, вероятно, сформулирована специально для того, чтобы обосновать снятие обвинений с Киркорова). Во-первых, для оскорбления не обязательно приписывать человеку отрицательные свойства – оскорбительна и демонстрация неуважения к нему *безо всяких поводов* (Баранов упорно игнорирует этот аспект), во-вторых, оскорбительным может быть не только речевое, но и паралингвистическое поведение (когда не отвечают на вопросы, на письма, поворачиваются спиной к человеку; оскорбительными бывают интонации, гримасы, позы, жесты – не обязательно неприличные – и т. п.).

Затем говорится о перформативности акта оскорбления: «[В] классическом понимании оскорбление предполагает непосредственную реакцию адресата – от вызова на дуэль до физического противостояния». То есть поскольку трудно предположить, что Киркоров провоцировал Ароян дать ему пощечину, то он ее не оскорблял. Этот пассаж неловко даже комментировать.

Однако искусственного снятия этих очень важных аспектов для оправдания Киркорова оказалось недостаточно, и Баранов начал манипулировать с остальными аспектами, которых тоже *хватило бы для обвинения*. В реплике «Меня раздражают Ваша розовая кофточка, Ваши с...ки и Ваш микрофон», согласно Баранову, «И. Ароян не приписывается никаких отрицательных характеристик. Действительно, то, что И. Ароян носит розовую кофточку, держит в руках микрофон и т. д. (вместо «и т. д.» следовало бы написать: «что у Ароян есть груди», но Баранов почему-то этого не сделал, хотя если уж говорить – так до конца. – А.Ф.), само по себе нельзя рассматривать как отрицательные характеристики», это лишь «выражение субъективной реакции (...) – раздражения». Странно читать подобные, мягко говоря, софизмы у филолога. Во-первых, это выглядит так, будто раздражение существует само по себе, оно «субъективно» и не интенционально – и, следовательно, никак не связано с Ароян. (Баранов вообще стремится к изолированию фактов, деталей, к разрушению контекста.) Но, каким бы «субъективным» ни было раздражение, это именно *реакция* – на что-то и на кого-то. Во-вторых, в данной фразе Ароян именно *приписываются* отрицательные характеристики – отсутствие вкуса, вульгарность, вызывающее поведение. Дело не в том, что Ароян держит в руках микрофон, а в том, *как она им распоряжается*, не в том, что у нее есть бюст, а в том, что он виден из-под чрезмерно открытой розовой кофточки. С тем же успехом можно было бы сказать: «Киркоров раздражает меня своими перьями, своей физиономией, своим микрофоном», а потом заявить, что это лишь констатация того, что Киркоров одевается в перья, держит в руках микрофон и что у него есть лицо, а не высказывание о вульгарности костюма и репертуара и о том, какие качества нередко отражаются на этом лице.

По другому вопросу Баранов делает более чем интересное заявление, что «идиома (? –

А.Ф.) «по-х..» (кто-л./что-л. кому-л.) (кстати, почему это пишется через дефис? – А.Ф.) употребляется в современном русском языке в значении «кто-либо/что-либо» («по-х..» означает *кто-* или *что-либо*?! – А.Ф.) и *совершенно не затрагивает субъекта*, потому что он волевым усилием исключает это из своей личной сферы» (курсив наш. – А.Ф.). Данная фраза малопонятна: субъект «волевым усилием» исключает из своей личной сферы некое «это» – вероятно, субъект, т. е. себя. Следовательно, соответствующую киркоровскую реплику «нельзя рассматривать как оскорбление, поскольку в ней адресату не приписывается никаких отрицательно оцениваемых характеристик». Логика здесь непостижима: во-первых, Киркоров не оскорбляет Ароян, т. к. совершенно не затрагивает субъекта, т. е. себя! А объект, т. е. Ароян, – затрагивает? Во-вторых, какова связь между затрагиванием и приписыванием качеств, тем более что первое относится к субъекту, а второе – видимо, к объекту? Или подразумевается, что «это» – матерная речь? Но как в этом случае понимать всю фразу Баранова? Как матерящийся субъект может волевым усилием исключить «это» из своей личной сферы? Заставит себя не понимать, что он матерится? Может быть, имеется в виду следующее: я не желаю знать, что оскорбляю кого-то, и потому я никого не оскорбляю?

Формально *можно было бы* согласиться с заявлением, что Ароян приписывается отрицательная характеристика – «непрофессионализм». (Это делается не прямо, а метонимически – через следствие: именно из-за «непрофессионализма» Киркорову безразличны Ароян и ее статья.) Но мы не станем соглашаться с экспертом, поскольку понятно, что для Киркорова это лишь «благовидный» предлог для унижения справедливо уязвившей его журналистки. Он обвиняет ее в некомпетентности и безграмотности, предлагая ей научиться говорить по-русски. Но Ароян, в отличие от Киркорова, по-русски говорит грамотно. Вероятно, он намекает, что иностранные слова выше ее умственного уровня, но при чем здесь *русский* язык? Тем более что Киркоров сам не понимает слова «ремейк» (или «римейк»): «Назовите, пожалуйста, количество ремейков в моем репертуаре, кроме «Мама, Шикодам» и «Вива ля дива» (...) А что, Басков пел не ремейки, исполняя «Калинку-Малинку» или «Мурка» и все такое? (Речь! – А.Ф.) Это как, по-вашему, тоже

нехватка репертуара (!), как вы считаете? А я считаю, что это тематический концерт (...) Вы обозначили (?) огромное количество ремейков. Я вас прошу назвать это огромное количество» [1]. Во-первых, под ремейком можно понимать три явления: исполнение в своей интерпретации (без изменения текста и музыки) чужих песен, не закрепленных за другими певцами авторским правом («Эти глаза напротив»), иноязычных песен в переводе (номера из мюзикла «Чикаго»), а также переделку («Мама, Шикодам»). У Киркорова таких песен (исполняемых по разным поводам) намного больше двух. Кроме того, Киркоров упоминает хор Турецкого, поющий в том числе попури. Так что же Киркоров подразумевает под ремейками? Во-вторых, фольклорные песни в профессиональном исполнении – это не ремейки, так что пример с Басковым неудачен. (Не говоря о том, что Басков не *пел*, а пока еще *поет* – это к вопросу об умении выражать мысли по-русски).

Кроме того, эксперт или кто-то другой (по крайней мере, судя по доступному нам документу из Интернета) произвел некоторое редактирование текста стенограммы скандальной пресс-конференции. Первая поправка едва заметна: в репликах Киркорова к Ароян местоимения «Вы», «Ваш(и)» почти всегда употребляются с прописной буквы (например, «[Д]а мне по-х..., как Вы напишете... Так же, как и Вы»), а в репликах Ароян к Киркорову – со строчной. Это выглядит так, будто Киркоров произнес свои обсценные реплики с большим пиететом к Ароян, и это невозможно было не расслышать и не отразить на письме!

Зато, судя по ремаркам (это вторая поправка, внесенная в стенограмму пресс-конференции), Ароян источала презрение к галантному, остроумному и безобидному певцу:

«И. Ароян (*презрительно*): А вы научитесь себя вести. «Звезда».

Ф. Киркоров (*рифмуя*): Да... П....!».

Хотя кто решает, что Ароян это сказала с презрением? А может быть, с досадой, с возмущением? Таким образом, эксперт «тонко» намекает, что это Ароян оскорбила Киркорова, а он лишь занимался малоизящной словесностью. Комментарий Баранова гомеричен: «[И]спользование слова «п...» допускает две различных интерпретации. В первом случае И. Ароян приписывается некоторая характеристика, и она выражена в неприличной форме (Так Ароян что-то все-таки может приписываться? Ин-

тересно, что именно? Однако здесь Барановым снова овладел приступ пуританства. – А.Ф.). Во втором случае речь идет о языковой игре, основанной на рифме со словом звезда. Поскольку высказывание состоит из одного слова и следует после частицы *да*, употребленной в значении согласия, по контексту невозможно установить, что конкретно имеется в виду – приписывание характеристики или языковая игра. В данном случае исключительно (*sic!* – А.Ф.) говорящий может проинтерпретировать своё коммуникативное намерение». Но непонятно, почему реплика перестанет восприниматься как оскорбительная, если представить ее как игру слов, тем более что Баранов только что утверждал обратное: языковая игра с обсценными компонентами или аллюзиями есть неприличная форма, в которой может быть вербализовано оскорбление. Однако носители русского языка по двум приведенным репликам в состоянии догадаться, что это взаимообмен негативными характеристиками. Попытка свести его к безобидному рифмованию в ходе «вялой перебранки» некорректна. Во-первых, «вялая перебранка» уместна в ситуации бытового, а не публичного общения. Во-вторых, даже в этом случае матерная рифмовка – не чистая игра слов: она связана с объектом, вызывающим явные отрицательные эмоции (в том числе в примере Баранова). Вряд ли Киркоров испытывает таковые эмоции к «звезде», т. е. к себе самому, значит, матерная рифма адресована Ароян.

Особенно замечательны постоянные признания Баранова в неспособности адекватно интерпретировать речь Киркорова. Еще один пример: «Интерпретация метафоры ПОДВОРОТНИ как оскорбления определяется метафорическими следствиями. Поскольку рассматриваемый контекст не позволяет однозначно определить эти следствия, установить, в каком значении употреблена метафора ПОДВОРОТНИ, не представляется возможным. Следовательно, эта метафора не может однозначно рассматриваться как оскорбление адресата данной реплики». На самом деле указанная Барановым «неоднозначность» проистекает из несовпадения истинного положения дел с тем, что думает об этом Киркоров. Он, *безусловно* желая унижить Ароян, говорит, что она «вчера у подворотни, а сегодня здесь, на втором ряду». Для него это – позор, знак маргинальности, но для журналиста сбор материала «в гуще жизни» или даже на ее «дне» – профессиональная норма.

В заключение сделаем собственные выводы.

1. Киркоров оскорбил человеческое достоинство Ароян, в особо грубой и циничной форме продемонстрировав презрение к ней (в том числе как к женщине – через публичный отказ соблюдать ради нее элементарные социокультурные нормы и требования приличий), а также косвенно, но очень откровенно приписав ей отсутствие вкуса, вызывающее и вульгарное поведение.

2. Киркоров оскорбил профессиональное достоинство Ароян, поскольку в обсценной форме выразил пренебрежение к ее труду и его результатам, приписав ей «непрофессионализм», безответственность и безграмотность; причем Киркоров не имел для этого *никаких объективных оснований*.

3. Киркоров унизил национальное достоинство Ароян: поскольку требование научиться

правильно говорить по-русски было несправедливым, то оно могло иметь отношение только к ее акценту.

И еще одно дополнение, касающееся юрислингвистики. Нужно анализировать слова и выражения не сами по себе, а в широком контексте, во взаимодействии между собой, в соответствии с общей линией поведения персонажей. Например, вся стилистика поведения Киркорова по отношению к Ароян глубоко оскорбительна. Для унижения оппонентки он использует множество уловок: подавление большим количеством имен и названий песен, обилием риторических вопросов, быстрым темпом речи, высокомерным тоном, подчеркиванием собственных заслуг и различия в социальном положении, наконец, грубейший *argumentum ad hominem* (переход на личности). Такие вопросы эксперту не задаются, он должен делать это сам.

Список использованной литературы:

1. Основной инстинкт. Первый канал, 25 июня 2004 года. Стенограмма. – <http://kirkorov.net/instinct.shtml>.
2. <http://www.obozrevatel.com.ua>.